

УДК 167

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО КАК КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

А.А. Серых, А.А. Шестаков

ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», г. Самара

Статья посвящена осмыслению коммуникативной модели научного сообщества отечественных историков конца XIX – начала XX в. Опираясь на материалы по историографии, а также на источники личного происхождения, авторы раскрывают формы и характер коммуникаций в рамках данного социального института. Особое внимание уделяется определению этапов развития научного сообщества указанного периода, обусловленных трансформацией сети профессионального общения.

Ключевые слова: научное сообщество, коммуникативная модель, сеть общения.

В расширяющемся проблемном поле современной философии науки наблюдается явное смещение акцентов в сторону изучения социокультурных процессов. В исследовательской литературе этот аспект изучения научной деятельности уже получил определенное осмысление [1–3]. Однако вопросы *исторической реконструкции* познавательных актов, в которых предмет пристального изучения становится личность ученого и отдельные исследовательские сообщества, остаются актуальными. Само изучение сетей научной коммуникации традиционно протекает в двух взаимосвязанных аспектах: 1) осмысление *личностных* рефлексивных процедур и 2) анализ *межличностных* контактов, включающий изучение ряда когнитивных механизмов, в первую очередь рецепции знаний и научной полемики [4].

Задача данного исследования – на конкретном примере функционирования научного сообщества отечественных историков рубежа XIX–XX вв. раскрыть свойственную данному институту коммуникативную модель, которая позволила бы последовательно эксплицировать отдельные стадии развития данного когнитивного образования. Подчеркнем, что в исследовании мы оставим за скобками анализ московской и петербургской научных школ, сложившихся в указанный период, поскольку изучению этого вопроса посвящено большое количество работ (см. подр.: [5; 15]). Упор, стало быть, будет сделан не на методологические различия школ, а на их *общность, систему и характер* сложившихся коммуникаций. Методологическим основаниям исследования послужили работы социолога науки Н. Маллинза, в которых раскрываются структура и этапы развития теоретических групп, а также работа К. Мангейма, посвященная поколенческой идентификации ученых. Н. Маллинз выделяет четыре стадии раз-

вития исследовательской группы: «норма», «сеть», «сплоченная группа», «специальность или дисциплина». При этом на каждом этапе развития исследовательской группе свойственны вполне определенные социальные и когнитивные характеристики (см. подр.: [6]). Основываясь на этих идеях, попытаемся подойти к решению поставленной выше задачи. В свою очередь, подход, разработанный К. Мангеймом, позволяет выделить особенности поколенческой идентификации ученых рассматриваемого исторического периода, определить внутреннюю структуру их генерации, а также раскрыть характер внутри- и межпоколенческого взаимодействия (см. подр.: [7]). Под концептом «поколение» мы будем понимать функционирующую в науке общность людей, связанных единством социокультурных условий, но главное – «общей судьбой», т. е. единством *восприятия* приобретенного жизненного опыта. Вместе с тем при интерпретации отечественной науки как истории поколений ученых важно иметь в виду, что *самоопределение* историка является одним из оснований структурирования научного сообщества на конкретные, четко оформленные генерации. В данном случае сугубо индивидуальная самооценка ученого оказывается достаточно надежным объективным критерием. Таким образом, основываясь на теоретических подходах Н. Маллинза и К. Мангейма, можно выстроить модель научных коммуникаций отечественных историков в двух аналитических плоскостях – *вертикальной* (межпоколенческие отношения коллег и учителей – учеников) и *горизонтальной* (характер и форма взаимоотношений ровесников).

Первое поколение русских историков, на наш взгляд, – это те молодые люди, которые поступили в Московский и Санкт-Петербургский университеты в 1880-х гг. и учились у В.О. Ключевского, К.Н. Бестужева-Рюмина и В.И. Герье. Согласно взглядам Б. Гриффита и Н. Маллинза, процесс развития научного сообщества напоминает модель «эпидемии», когда учеников становится больше чем учителей, в соответствии с чем каждое последующее поколение ученых оказывается более массовым (см. подр.: [8, с. 144]). Это можно наблюдать и в нашем случае: начиная с 80-х гг. XIX столетия, в связи с изменением устава императорских университетов и общей социокультурной обстановки в государстве отечественная историческая наука становится массовой. Происходит ее профессионализация, на авансцену научных исследований выходит первое поколение профессиональных историков. К этому поколению можно отнести С.Ф. Платонова, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, А.С. Лаппо-Данилевского. В исследовательской литературе давно замечено, что определяющую роль в процессе формирования и развития научной группы играет интеллектуальный лидер, который «задает исходные концептуальные установки для научной деятельности группы» и – самое главное – «оценивает и санкционирует работу других» [там же, с. 141]. Подобными интеллектуальными лидерами столичных научных сообществ историков по праву признаются В.О. Ключевский и К.Н. Бестужев-Рюмин. Для оценки роли названных ученых в

развитии исторической науки остановимся на одном, казалось бы, частном случае формирования профессиональных и личных коммуникаций в рамках научного общества отечественных историков. Речь идет о научной деятельности П.Н. Милюкова. Почему коммуникационная модель именно этого ученого привлекла внимание при работе над избранной проблемой? С одной стороны, биография этого ученого далеко не типична, поскольку принятое им решение покинуть историческую науку оказало влияние как на его собственную судьбу, так и на развитие всего научного сообщества. С другой стороны, П.Н. Милюков, несомненно, был незаурядным ученым. Соответственно сеть его коммуникаций в рамках научного сообщества была достаточно развитой, что позволит проанализировать различные формы научных взаимодействий. Известный социолог науки Н. Маллинз в процессе описания общей модели развития теоретической группы выделяет четыре типа социальных отношений, встречающихся в науке: коммуникация, соавторство, наставничество и коллегиальность (см. подр.: [6, с. 260]). Предметное рассмотрение научного сообщества историков рубежа XIX–XX вв. позволит несколько скорректировать данную типологию. В рамках решения этой задачи подробнее остановимся на проблеме наставничества – таком типе социальных отношений, при котором «ученик проходит подготовку под влиянием своего учителя»; коллегиальности – работе ученого в каком-либо конкретном научном или образовательном учреждении; сфере профессиональных коммуникаций – речь идет об обсуждении текущих исследований, обмене мнениями; и, наконец, на области личных коммуникаций – тесных, дружеских отношений с коллегами, позволяющих обсуждать не только профессиональные, но и личные проблемы.

Представляется ясным, что коммуникативная сеть любого ученого всегда ограничена горизонтом его собственных контактов с коллегами. Соответственно в индивидуальное коммуникационное поле ученого попадает сравнительно небольшое количество людей, интересы которых связаны с его научными интересами [9, с. 158]. Отношения П.Н. Милюкова с историками старшего поколения (К.Н. Бестужевым-Рюминым, В.О. Ключевским, П.Г. Виноградовым) складывались по-разному, поэтому при типологизировании коммуникационных контактов внутри научного сообщества можно столкнуться с сочетанием различных типов взаимодействия. К. Мангейм в известной работе «Проблема поколений» рассматривает межпоколенческое взаимодействие учителя и ученика не просто как линейную форму передачи научных знаний и опыта – ученик также может оказывать влияние на учителя. В этой связи можно предположить, что подобный тип коммуникации, при котором взаимодействие не ограничивается лишь передачей накопленного опыта, мог сложиться и в научном сообществе отечественных историков конца XIX в. Вряд ли можно возразить суждению, что чем выше степень значимости ученого, тем большее количество коммуникативных связей он формирует. На пример, «учениками» В.О. Ключевского называли себя как историки, которые были лично с ним

знакомы, так и последующие поколения исследователей, которые были знакомы только с его работами.

Следует подчеркнуть, что отношения П.Н. Милюкова со своим «учителем» были далеко не простыми. С одной стороны, для коммуницирующей матрицы «Ключевский–Милюков» характерны традиционные отношения учителя и ученика, что получило отражение в воспоминаниях П.Н. Милюкова о В.О. Ключевском (см. подр.: [10]). С другой стороны, отношения названных ученых принято считать конфликтными из-за ситуации, сложившейся вокруг защиты П.Н. Милюкова и присуждения ему ученой степени магистра, а не доктора наук. Сам П.Н. Милюков, по словам П.Г. Виноградова, предполагал, что В.О. Ключевский выступил против присуждения докторской степени, поскольку не хотел дать П.Н. Милюкову, вероятно из-за опасений конкуренции, возможность проявить себя в рамках университетской корпорации. В этой связи научные и личные амбиции молодого историка оказались далеки от удовлетворения, что и привело в итоге к разрыву отношений. На наш взгляд, мысль о гипотетической конкуренции историков не столь однозначна. Необходимо отметить некоторую завышенную самооценку Милюковым собственной магистерской диссертации. Справедливости ради, надо отметить, что «внеплановое» присуждение докторской степени было в тот период крайне редким явлением. На историко-филологическом факультете Московского университета до 1917 г. только два историка получили степень доктора за свои магистерские диссертации – это М.С. Корелин и Р.Ю. Виппер. Поэтому мы склонны предполагать, что вопрос о возможной конкуренции П.Н. Милюкова и В.О. Ключевского нельзя в полной мере отрицать. Важно другое: после разрыва коммуникационной линии «учитель–ученик» отношения между этими людьми возобновились, но уже в сфере общественных и политических отношений. На основании изложенного выше можно заключить, что для коммуницирующей матрицы «П.Н. Милюков – В.О. Ключевский» были свойственны три из четырех названных выше «эталонных» типа контактов – личные коммуникации, наставничество и коллегиальность. Профессиональные контакты, т. е. активные обсуждения актуальных научных проблем, фактически так и не сложились. На наш взгляд, причина этого обстоятельства заключается в самом факте ухода П.Н. Милюкова из научной сферы. Кроме того, индивидуальные черты характера каждого из историков также не способствовали налаживанию такого рода отношений.

Несколько иные коммуникативные контакты сложились у П.Н. Милюкова с другими представителями старшего поколения историков – К.Н. Бестужевым-Рюминым и П.Г. Виноградовым. Если общение с В.О. Ключевским включало в себя большую часть возможных типов коммуникационного взаимодействия, то в данном конкретном случае они были в существенной степени редуцированы. На пример, с К.Н. Бестужевым-Рюминым у П.Н. Милюкова сложились только профессиональные

контакты. Такой ограниченный формат взаимоотношений между учеными объясняется как существенной разницей в возрасте (30 лет), так и отличием методологических взглядов и, вероятно, противопоставлением ученых московского и петербургского университетов в контексте «свой/чужой». Однако несколько имевших место встреч оставили у П.Н. Милюкова приятные впечатления. С точки зрения определения специфики коммуникационной модели П.Н. Милюкова важно, что, несмотря на внешнюю «теплоту» отношений, коммуникации между историками ограничивались лишь контактами профессионального типа. Иначе сложились отношения у П.Н. Милюкова с П.Г. Виноградовым. И на то имелись причины: относительно незначительная разница в возрасте (5 лет) способствовала формированию не только профессиональных, но и личных контактов. П.Н. Милюков в воспоминаниях неоднократно называл П.Г. Виноградова своим другом. Старший коллега – признанный в научном сообществе ученый – был своего рода «проводником», оказывающим поддержку молодому исследователю своими рекомендациями и консультациями. По мнению Т. Бона, характер личных отношений с профессорами в Москве и С.-Петербурге не остался для профессиональной карьеры Милюкова без последствий (см. подр.: [11, с. 61]). В частности, когда С.Ф. Платонов от имени Александровского лицея предложил П.Н. Милюкову «взять уроки», последний планировал посоветоваться с П.Г. Виноградовым и В.О. Ключевским. Показательно, что П.Н. Милюков не получил от В.О. Ключевского каких-либо определенных рекомендаций. В своем письме к этому ученому П.Н. Милюков писал: «Чтобы принять какое бы ни было решение, у меня нет самого главного основания: именно я не знаю, в какой степени я могу рассчитывать на выяснение в ближайшем будущем моего положения в здешнем университете» (см. подр.: [12]). Известный ученый не ответил ничего определенного, ограничившись лишь общими фразами: «Касательно Вашего положения в нашем университете, которое Вы хотите выяснить, я охотно дам Вам объяснения, какие только могу дать, как скоро Вы потрудитесь указать мне, что в этом положении представляется вам неясным» (см. подр.: [13]). Что же касается П.Г. Виноградова, то он положительно отнесся к возможной перспективе молодого историка переехать в Санкт-Петербург. Зная столь различное отношение мэтров исторической науки к своей преподавательской карьере, П.Н. Милюков длительное время не мог принять решения по данному вопросу. В результате он отказался от идеи переезда в Петербург. На основании вышеизложенного можно заключить, что коммуникационная связь П.Н. Милюкова и П.Г. Виноградова включала в себя три возможных типа отношений: коллегиальность, профессиональные коммуникации и личные коммуникации.

В методологической литературе подчеркивается, что исследователи в рамках своего профессионального сообщества ориентированы, как правило, на определенную группу экспертов, которым они доверяют и

которые по-дружески критикуют их работы. При этом эксперты и сам исследователь, вероятнее всего, работают на разных кафедрах [6, с. 258]. Для П.Н. Милюкова такими экспертами стали представители его поколения, историки Санкт-Петербургского университета С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский. Понятно, что названные специалисты представляли другое учебное заведение, что свидетельствует об отсутствии между ними и П.Н. Милюковым коллегиального типа коммуникаций. Однако это обстоятельство позволило ученым сформировать достаточно тесные профессиональные и личные коммуникации, сохранявшиеся на протяжении длительного периода времени, даже после того как П.Н. Милюков сосредоточился на общественно-политической деятельности.

Одним из традиционных способов коммуникации, который часто использовали историки, были письма. Значение этого способа научного взаимодействия в отношении коммуникативного поля П.Н. Милюкова проявляется наиболее полно в переписке с С.Ф. Платоновым и А.С. Лаппо-Данилевским. Надо сказать, что оба историка были постоянными адресатами П.Н. Милюкова на протяжении нескольких лет, и именно в этом своеобразном жанре особенно полно раскрывается специфика и характер коммуникаций ученых. Стоит подчеркнуть, что межличностные отношения, сложившиеся у П.Н. Милюкова с А.С. Лаппо-Данилевским, были ближе, нежели отношения с С.Ф. Платоновым. Темы переписки П.Н. Милюкова и С.Ф. Платонова были вопросы профессионального плана: издание им монографии, написание отзыва на работу А.С. Лаппо-Данилевского, а также взаимоотношения с В.О. Ключевским. Темы личного характера ограничивались лишь общепринятыми нормами (поздравления с важными событиями либо выражение соболезнований). На основании этого можно заключить, что в коммуникационной модели П.Н. Милюкова отношения с С.Ф. Платоновым ограничивались рамками профессиональных коммуникаций. Коллегиальные отношения здесь отсутствовали, личные же коммуникации ограничивались лишь рамками корпоративной этики.

В условной коммуникационной модели отечественных историков конца XIX – начала XX в. можно выделить «круг близких людей», в который входили не только профессиональные ученые. П.Н. Милюков, к примеру, поддерживал дружеское общение с Н.Д. Долгоруковым, Ф. Самаринным, Д. Некрасовым, братьями Свербеевыми. Некоторое время у историка были достаточно близкие, дружеские отношения и с А.С. Лаппо-Данилевским. Отметим, что в своих воспоминаниях П.Н. Милюков не акцентировал внимание на лицах, которых мы могли бы отнести к «близкому кругу». Понятно, что личные коммуникации, складывающиеся в рамках «близкого круга», позволяли отойти от сухого формального стиля общения и предложить более эмоциональное видение действительности. Ограничимся одним примером. В одном из писем П.Н. Милюкову А.С. Лаппо-Данилевский, рассказывая о петербургском

сообществе историков, неожиданно начал рассуждать о смысловых коннотациях термина «добрый человек». Этот сюжет можно понять, если предположить, что переписка с близким для историка человеком – это своего рода диалог ученого с самим собой. Помимо общего стиля писем «близкому кругу» для анализа коммуникаций важна система обращений историков друг к другу. Как известно, в рамках профессиональных коммуникаций рассматриваемого исторического периода была общепринятой норма обращения к адресату по имени-отчеству с применением прилагательных «многоуважаемый» или «глубокоуважаемый». Что же касается прилагательного «дорогой», то оно допускалось в межличностной коммуникации лишь с близким кругом. Подчеркнем, что именно это неформальное обращение к адресату стало нормой в переписке П.Н. Милюкова и А.С. Лаппо-Данилевского. Вот выписка из письма последнего П.Н. Милюкову: «Не хочу обращаться к Вам с титулом: многоуважаемый, титулом, которым мы называем так много официальных и не официальных ...олухов. Не смогу сказать дорогой, но, не кривя душой, могу написать: симпатичный мне Павел Николаевич!» (см. подр.: [14]). Еще одним из признаков неформальных дружеских отношений историков было некоторое пренебрежение местоимением «Вы». Названные выше ученые в письмах, адресованных друг другу, часто писали «Вы» со строчной буквы. На этом основании можно предположить, что между П.Н. Милюковым и А.С. Лаппо-Данилевским сложилось два типа коммуникационных связей: с одной стороны, это профессиональная коммуникация, с другой – личные коммуникации, которые выходили за рамки профессиональной сферы. Таким образом, мы видим, что во взаимоотношениях П.Н. Милюкова с представителями старшего и своего поколения историков проявляются различные типы коммуникационных связей. Для более полной реконструкции коммуникационной модели ученого представляется необходимым проанализировать тип его коммуникационных связей с младшим поколением историков, которые вошли в научное сообщество только в начале XX в. Однако здесь, естественно, возникают трудности, поскольку ученый рано ушел из профессиональной научной среды и не успел сформировать устойчивые коммуникационные связи с молодыми историками. Для молодого поколения ученых-историков преемственность не имела такого большого значения, как для ученых круга П.Н. Милюкова. Историки конца XIX – начала XX в. были для молодого поколения лишь далеким прошлым, причем ассоциирующимся с побежденной «монархической системой». Первое поколение «красной профессуры» отличалось крайне негативной и уничижительной оценкой ученых конца XIX – начала XX в.

Обобщая изложенное выше, можно заключить, что научное сообщество отечественных историков в 80-90-е гг. XIX в. находилось в стадии сплоченной группы. Согласно взглядам Н. Маллинза, на этом этапе развития исследовательского коллектива вокруг ключевых фигур формируются «гнезда учеников». В рассматриваемом случае подобными фигурами яв-

ляются В.О. Ключевский и К.Н. Бестужев-Рюмин, тогда как П.Н. Милюков и его ровесники оказываются первой группой учеников. Внимание этих ученых концентрируется на специфической совокупности проблем, что приводит к выходу в свет большого количества работ, которые со временем оказались принципиально значимыми в научном отношении. В данном случае это работы (а соответственно, и взаимоотношения по поводу этих работ) самого П.Н. Милюкова и его коллег-ровесников А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонова, А.А. Кизеветтера и др. Показательной характеристикой сплоченности группы Н. Маллинз считает появление соавторских работ. Исходя из проанализированной выше коммуникативной модели П.Н. Милюкова, можно заключить, что соавторство было абсолютно не свойственно научному сообществу отечественных историков. На наш взгляд, отсутствие подобного рода коммуникативной связи свидетельствует о личных амбициях каждого из них. Скандал вокруг защиты магистерской диссертации П.Н. Милюкова яркий тому пример. Исходя из этой обстановки, вряд ли можно представить ситуацию, в которой, скажем, П.Н. Милюков пишет научную работу в соавторстве с кем-то.

Вернемся к теоретической конструкции Н. Маллинза. Согласно его взглядам, интеллектуальная группа переходит к стадии специальности в тот момент, когда ученики становятся самостоятельными профессионалами и формируют собственную сеть коммуникаций; при этом старые коммуникационные связи оказываются либо неактуальными, либо вообще разрываются. В нашем случае процесс перехода рассматриваемого научного сообщества к стадии специальности совпадает с рубежом XIX–XX вв. В контексте рассмотрения коммуникативной модели П.Н. Милюкова можно было наблюдать, как историк выходит на новый уровень взаимоотношений, в результате чего сам характер и форма коммуникаций трансформируется. Эти преобразования, с одной стороны, связаны с переменами в жизни П.Н. Милюкова, с другой стороны, такого рода изменения были характерны для всего научного сообщества. Ученые, уже приобретшие статус «учителей» и являющиеся соответственно носителями определенного методологического тезауруса, очень сложно выстраивают отношения с новым поколением исследователей. На этапе специализации группы происходит своего рода процесс рутинизации, приспособления к новому интеллектуальному инструментарию. В нашем случае «рутинизация», по всей вероятности, проявляется в проблематичности передачи традиционных методологических представлений новому поколению ученых, что привело к двум взаимосвязанным результатам: подготовке фундаментальных учебников по русской истории, наглядно свидетельствующих о сохранении классических методологических установок исторической науки (учебник С.Ф. Платонова по русской истории) и формированию концептуально-методологических представлений в условиях изменившейся общественно-политической среды. В этот период дается старт формированию новых связей в областях научной и общественно-политической жизни, в резуль-

тате чего отдельные исследователи выпадают из традиционной коммуникативной модели научного сообщества. В итоге получается, что «единственным индикатором специальности оказывается ее название» [6, с. 270]. Резюмируя, можно отметить, что изменения, произошедшие в отечественном научном сообществе в начале XX в. были связаны, с одной стороны, с социокультурными и политическими изменениями, а с другой стороны, с объективными процессами трансформации коммуникативных взаимодействий в рамках научного сообщества историков.

Список литературы

1. Шестаков А.А. Познавательная деятельность: пути преодоления натурализма // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. 2003. № 1. С. 5–14.
2. Шестаков А.А. Онтология познания: пролегомены к субъектно-гуманистической интерпретации когнитивного процесса. Самара: Изд-во СГАСУ, 2004. 159 с.
3. Огурцов А.П. От нормативного Разума к коммуникативной рациональности // Этнос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 54–78.
4. Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. И.М. Савельевой, Е.А. Вишленковой. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013. 386 с.
5. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд. Казанского ун-та, 2000. 200 с.
6. Маллинз Н. Модель развития теоретических групп в социологии // Научная деятельность: структуры и институты: сб. пер. / под ред. Э.М. Мирского, Б.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1980. С. 257–284.
7. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47.
8. Гриффит Б.Ч., Маллинз Н.Ч. Социальные группировки в развитии науки // Коммуникация в современной науке: Сб. пер. / под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 131–151.
9. Гриффит Б.Ч., Миллер А. Дж. Сети неформальных коммуникаций среди продуктивных ученых // Коммуникация в современной науке: сб. пер. / под ред. Э.М. Мирского, В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 155–182.
10. Миллюков П.Н. В.О. Ключевский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М.: Научное слово, 1912. С. 183–217.

11. Бон Т.М. Русская историческая наука (1880–1905). Павел Николаевич Милуков и Московская школа. СПб.: Олеариус Пресс, 2005. 272 с.
12. НИОР РГБ. Ф. 131. Папка 32. № 70. Л. 1.
13. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4614. Л. 2.
14. ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4858. Л. 1.
15. Леонтьева О.Б. «Субъективная школа» в русской мысли истории. Самара: Самарский университет, 2004. 200 с.

THE SCHOLARLY COMMUNITY AS A COMMUNICATIVE MODEL: GENERAL AND SPECIFIC PROPERTIES

A.A. Serykh, A.A. Shestakov

Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara

The paper examines the communicative model of the scholarly community of the late XIX – early XX centuries Russian historians. Basing the study on the historiography materials, as well as on the sources of personal origin, the authors reveal the shape and nature of communication in the framework of this social institution. Particular attention is paid to certain stages of development of the scholarly community of this period due to the transformation of the network of professional communication.

Keywords: *the scientific community, communicative model, network of communication.*

Об авторах:

СЕРЫХ Анна Александровна – кандидат исторических наук, преподаватель лица при ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: Serykha@gmail.ru

ШЕСТАКОВ Александр Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Самарский государственный архитектурно-строительный университет», Самара. E-mail: ShestakovAlex@yandex.ru

Authors information:

SERYKH Anna Alexandrovna – Ph. D., Prof. of the Lyceum of the Samara State University of Civil Engineering, Samara. E-mail: Serykha@gmail.ru

SHESTAKOV Alexander Alexeevich – Ph. D., Prof. of the Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara. E-mail: ShestakovAlex@yandex.ru